

Жизнь и смерть полковника Петра Рахманова

Среди героев славной эпохи наполеоновских войн немало известных и хорошо изученных имен, но, к сожалению, также немало имен незаслуженно забытых. Петр Александрович Рахманов находится как бы посередине между этими двумя состояниями. Его нельзя назвать совершенно забытым: его имя упоминается во многих мемуарах и документах эпохи, ему посвящен целый ряд исследований. Однако утверждать, что его жизненный путь хорошо изучен, также нельзя. Ведь в упомянутых работах исследователи, в основном историки математики, рассматривают его творчество на поприще науки, не затрагивая вообще, или едва обозначая прочие грани жизни и деятельности этого неординарного человека.

Первым и при этом наиболее полным исследованием о нем является пространная статья русского историка математики В.В. Бобынина, помещенная в крупнейшем собрании биографий на русском языке рубежа XIX—XX вв. — «Русском биографическом словаре» под редакцией А.А. Половцова¹. В ней дано подробное описание развития математических представлений Рахманова, присутствует, видимо, полный перечень его математических трудов, дан их анализ в преломлении развития отечественной математической мысли. Однако почти отсутствует информация личного характера: не указан год рождения, нет сведений об образовании, семье и т.д. До предела минимизированы данные о его военной карьере: автор ограничивается сообщением, что Рахманов в период 1807—1810 гг. находился на военной службе, «в квартирмейстерской части», затем «патриотическое воодушевление», вызванное Отечественной войной 1812 года, заставило его вернуться в строй, он был ранен и в итоге погиб в 1813 г. в сражении при Лейпциге. Военно-литературная, издательская деятельность Рахманова, бывшего одним из первых отечественных военных журналистов, представлена немногим менее схематично, о его военно-теоретических работах нет ни слова.

К персоне П.А. Рахманова также обращался известный советский математик и историк науки А.П. Юшкевич, который упоминает его в ряде своих работ как последователя, а позднее критика академика С.Е. Гурьева². При этом деятельность Рахманова вне математической сферы интересует А.П. Юшкевича еще меньше, чем В.В. Бобынина. Для него Рахманов «русский артиллерийский офицер и любитель математики, павший на поле Лейпцигской битвы в 1813 г.»³. Лишь в вопросе образования он дает некоторые дополнительные сведения, утверждая, что «происходивший из старинной дворянской фамилии» Рахманов получил образование в известном московском частном пансионе Е.Д. Войтыховского⁴.

В 2003 г. российские историки науки супруги Д.Ю. и И.Д. Гузевич опубликовали новое интересное и довольно объемное исследование о П.А. Рахманове⁵. По словам авторов, они не ставили перед собой цели написать его биографию: «Наш текст — это, скорее, материалы к биографии Рахманова: документы из ЕР (Политехнической школы в Париже. — К.И.), библиография, труднонаходимые упоминания в литературе»⁶. При этом они сделали довольно полную подборку

мемуаров современников, в которых так или иначе упоминается П.А. Рахманов, существенно уточнили период его заграничного путешествия в Германию, Францию и Австрию, а также выявили ряд новых сведений о его преподавательской деятельности в Петербурге в 1810–1812 гг., отчасти уточнили вехи военной карьеры в период 1810–1813 гг.

Вслед за А.П. Юшкевичем супруги Гузевич рассматривают Рахманова как энтузиаста, представителя нового для России просветительского движения, оживившегося вместе с общим культурно-идеологическим подъемом в России начала XIX в. «Погибший слишком рано математик-любитель, так и не успевший стать профессионалом, он оставил свой след в истории математики, ее преподавания и популяризации в России. Безусловно, собственно, как математик, Рахманов не является звездой ни первой, ни второй величины. Но ему выпала роль медиатора — звена, связующего эпохи страны»⁷.

Можно сказать, что образ нашего героя, вырисовывающийся после прочтения работ вышеперечисленных авторов, получается не только излишне упрощенным, но даже искаженным, так как мы видим либо кабинетного ученого-математика, в свободное от науки время ради популярности занимавшегося издательской деятельностью и случайным образом оказавшегося на несвойственном ему военном поприще, либо некоего энтузиаста-любителя, который так и не смог (не успел) реализоваться: «обучался — но не прослушал всех курсов; служил — но недолго, преподавал — но официального поста не имел»⁸. При этом сведения о Рахманове, рассыпанные в мемуарах современников, показывают, что этот человек был хорошо известен в обществе более как издатель «Военного журнала» и профессиональный военный, а его математические занятия вызывали интерес в первую очередь у не столь многочисленного в тот период кружка специалистов и любителей этой науки.

К сожалению, сохранившиеся сведения о жизни и военной карьере Рахманова оказались разрозненными, отрывочными и подчас противоречивыми. Тем не менее, в результате коллективных усилий нам удалось значительно уточнить и дополнить собранную В.В. Бобыниным, А.П. Юшкевичем и супругами Гузевич информацию об этом замечательном человеке. Уточненные данные о военной службе Рахманова позволяют говорить о том, что устоявшиеся в историографии представления о нем сильно отличаются от действительности.

В Отделе письменных источников Государственного исторического музея (ОПИ ГИМ) хранится копия указа об увольнении Рахманова от воинской службы в 1810 г.⁹ Этот документ оказался в беспрецедентном собрании знаменитого русского коллекционера П.И. Щукина. Согласно приведенной в нем выписке из послужного списка, в начале января 1810 г. Петру Рахманову шел от роду 31-й год, т.е. он родился в 1778 г. Происходил из дворян. Сведения о семье и состоянии отсутствуют, и на настоящем этапе исследования мы вынуждены ограничиться уже известными формулировками: происходил из древнего дворянского рода, был материально обеспечен. Кстати, как верно утверждает В.В. Бобынин, сам Петр Александрович предпочитал писать свою фамилию через «о» — Рохманов. Но в официальном документообороте встречаются оба варианта написания, при этом через букву «а» гораздо чаще. Также Рахмановым называют нашего героя мемуаристы, и именно в таком варианте написания он вошел в российскую историографию.

фию. В выписке нет сведений об образовании, но к сведениям Юшкевича и Гузевичей можно добавить, что, по словам С.Н. Глинки, одним из учителей Рахманова был московский математик Ф.Ф. Кузмин¹⁰. В начале 1810 г. Петр Александрович был холост, и у нас нет никаких оснований утверждать, что за оставшееся до его гибели время его семейное положение изменилось.

В 1791 г. 12-лет от роду Петр Рахманов был записан в военную службу в лейб-гвардии Преображенский полк подпрапорщиком и в конце 1797 г. выпущен подпоручиком в пионерный полк. Летом 1803 г., по разделению пионерного полка на два, был переведен во 2-й пионерный полк и 28 декабря того же года по прошению уволен в отставку штабс-капитаном. Таким образом, к 24 годам, к первой отставке, Рахманов имел уже более 12 лет выслуги, из которых как минимум половина была действительной службой в офицерских чинах¹¹.

Нет ничего удивительного в том, что молодой Рахманов занимался математикой – он был офицером пионерного полка, т.е. был обязан разбираться и в артиллерийской, и в инженерной науках¹². (Кстати, и академик С.Е. Гурьев, чьим последователем первое время он являлся, был военным инженером, преподавателем математических наук в ряде военных и военно-морских вузов.) Свои математические штудии Рахманов начал еще на военной службе, и его первая работа была опубликована уже в 1803 г.¹³ По выходе в отставку Рахманов всецело посвятил себя науке. В начале 1804 г. он отправился в большое путешествие по Европе, посетил Париж, Геттинген, Вену, где был принят во многие европейские математические общества, а также издал ряд работ. При этом в Париже он провел год, прослушав учебный курс в Политехнической школе. По возвращении в Россию он «усиленно предался ученно-литературной деятельности», опубликовав в 1805–1806 гг. целый ряд математических исследований и рецензий¹⁴.

Однако спустя ровно три года после отставки 20 декабря 1806 г. Рахманов вновь поступил на военную службу. На этот раз в свиту Его Императорского Величества по квартирмейстерской части тем же чином штабс-капитана. Известный мемуарист С.П. Жихарев, общавшийся с Рахмановым как раз в то время, в своих «Записках» сообщает о причинах, побудивших его это сделать: «Заходил к Петру Александровичу Рахманову, приехавшему сюда с намерением вновь вступить в военную службу. “Надоело, – говорит он, – таскаться по чужим краям; запасшись знаниями, надо приложить их к делу”»¹⁵.

Жихарев один из немногих, кто оставил суждение о личности Петра Александровича. «Очень умный человек и гораздо умнее, чем показался он мне прежде, когда встретил я его в первый раз в Москве у К.А. Муромцевой. Тогда рассуждал он о всевозможных предметах, начиная с математики, специальной ее части, до музыки и даже танцев, так определительно и свысока, что поневоле должно было принять его за педанта, желающего блеснуть своими сведениями; теперь нахожу, что если говорит он много, так это потому, что очень откровенен и сообщителен. Нашел у него еще одного нашего москвича, В.Ф. Вельяминова-Зернова, с которым Рахманов покамест от нечего делать переводит оперу “Орфей”, музыка сочинения Глюка, от которой он в восторге. Я выразил ему свое удивление, что такой великий математик занимается операми и любит музыку. “Что вы говорите! – отвечал он, – да я природный музыкант и сам сочиняю симфонии и квартеты, а вот сочинил и балет”, – и с этим словом указал он мне на претолстую тетрадь с нотами»¹⁶.

1807 г. стал для Рахманова годом боевого крещения. Будучи квартирмейстерским, т.е. штабным офицером, Рахманов по Высочайшему повелению поступил в адъютанты к генерал-майору М.Л. Булатову. Затем некоторое время состоял при генерал-лейтенанте князе П.И. Багратионе, с которым принимал участие в боевых действиях против французов. Далее был переведен на должность квартирмейстера 9-й пехотной дивизии, на которой 29 мая и 1 июня принимал участие в стычках с французами при г. Остроленка, после чего в его послужном списке появилась запись, что он «в действительных сражениях с неприятелем находился»¹⁷. В январе 1808 г. Рахманов был произведен в капитаны, а в июне того же года по Высочайшему повелению был включен в состав членов Ученого комитета по артиллерийской части, в котором оставался до второй своей отставки, состоявшейся в январе 1810 г. Эти полтора года членства в Ученом комитете, судя по всему, стали заметной вехой в формировании взглядов Рахманова на собственное призвание.

Петр Александрович попал в коллектив со сложными внутренними отношениями. В тот период Артиллерийский комитет состоял из главноприсутствующего (председателя) директора Пажеского корпуса полковника И.Г. Гогеля 2-го, подполковника 2-го Кадетского корпуса А.И. Маркевича, заведующего типографией Комитета подполковника барона В.К. Плотто и члена Артиллерийской экспедиции военного советника А.А. Завороткова. Все вышеперечисленные артиллерийские специалисты были старше Рахманова и по возрасту, и по чину, имели заслуженную репутацию и многолетний опыт изобретательской, экспериментальной и экспертной работы. Их научные познания располагались более в сферах физики и тригонометрии, а также прикладной химии и знания технологических процессов производства вооружения. При этом внутри коллектива существовал ряд перманентных конфликтов, главным из которых было соперничество между ведущим отечественным специалистом в вопросах артиллерии Маркевичем и председателем Комитета Гогелем¹⁸.

П.А. Рахманову пришлось подстраиваться под стиль работы Артиллерийского комитета, в котором как раз в это время происходила смена системы внутреннего взаимодействия и управления, сопряженная с четким распределением функций Комитета и усилением роли председателя, т.е. переход от коллегиальной системы работы к иерархически централизованной, бюрократической. 4 июня 1808 г. Временный комитет для рассмотрения гарнизонной артиллерии был переименован в Ученый комитет по артиллерийской части, а в декабре того же года было принято положение о его функционировании и утверждены постоянные штаты.

Не чуждый честолюбия Рахманов стремился проявить себя и на новом поприще усовершенствования российской артиллерии. В 1808–1809 гг. Артиллерийский комитет работал над проектами, касавшимися улучшения боеприпасов российской артиллерии, усовершенствования конструкции осадных орудий, лафетов крепостной артиллерии, pontонов, улучшением производственных процессов и др. Большая часть из них тянулась не первый год и находилась уже на завершающей стадии, другие, как, например, проект диоптра, предложенный штабс-капитаном И.П. Кабановым¹⁹, напротив, только поступили на рассмотрение, и решения по ним принимались значительно позднее уже новым составом Комитета, без участия Рахманова. У нас нет оснований полагать, что мнение Петра

Александровича по этим вопросам имело решающее значение. Тем не менее, как рядовой член Артиллерийского комитета, обладающий серьезными математическими и инженерными знаниями, последователь математической школы Л. Эйлера и ученик Г. Монжа²⁰, он сделал свой посильный вклад в развитие российской артиллерии.

Работа Рахманова в Артиллерийском комитете омрачилась большим скандалом, разразившимся в мае—июне 1809 г. Его причиной, помимо неосторожности самого Рахманова, представившего для обсуждения на заседаниях Комитета предложения, в значительной степени инспирированные разговорами с А.И. Маркевичем, стала интрига, успешно осуществленная И.Г. Гогелем. Председатель комитета, «столкнув лбами» двух его членов, позволил конфликту стать известным выше по команде, сделав, таким образом, третейским судьей самого военного министра и генерал-инспектора всей артиллерии графа А.А. Аракчеева. В результате Гогелю удалось добиться, что благоволивший Маркевичу Аракчеев перестал ему открыто покровительствовать²¹.

Параллельно с работой в Артиллерийском комитете Рахманов продолжал занятия математикой, читая у себя на квартире бесплатные лекции по высшему анализу и аналитической геометрии²². По словам Н. Тенигина, Петр Александрович мотивировал свою благотворительность патриотическими соображениями и утверждал: «Долг дворянина есть посвящать отечеству все свои умственные качества; правительство, охраняя мою собственность, по наследству от моих родителей мне доставшуюся, обеззабочивает меня со стороны житейских моих нужд и через то дает мне средства исполнять сию священную обязанность, которую я и исполняю по мере моих сил»²³.

Одним из новых опытов, оказавшим, по-видимому, решающее влияние на дальнейшую судьбу Рахманова, стала возможность публиковаться в официальном печатном органе артиллерийского ведомства «Артиллерийском журнале», который как раз начал выходить с 1808 г. Этот журнал был первым периодическим изданием, адресованным профессиональным военным. Он содержал переводы иностранных трудов по артиллерии, статьи членов Комитета, некоторые официальные постановления по артиллерийскому ведомству, а также материалы, способствовавшие нравственному воспитанию офицеров и нижних чинов. Издавался этот журнал силами Ученого комитета по артиллерийской части, а его издателем был барон В.К. Плотто. Решения о публикации тех или иных материалов принимались коллективно, после обсуждения в Комитете.

П.А. Рахманов за полтора года своей работы в Комитете представил ряд статей на публикацию. Три из них получили одобрение на заседаниях Ученого комитета и вышли в свет²⁴. Но четвертая — «Об усовершенствовании артиллерии»²⁵, предложенная Рахмановым в июле 1809 г., стала камнем преткновения. В этой концептуальной статье были доработаны и серьезно развиты предложения, вызвавшие перед этим скору с Маркевичем. Высказанные в ней идеи уже не сводились только к упрощению материальной части артиллерии, но касались вопросов организации и управления этим родом войск. Это «рассуждение» не было опубликовано в «Артиллерийском журнале» со следующим вердиктом: «Не помещая в издаваемый Комитетом “Артиллерийский журнал”, приобщить к делам, потому что оно не соответствует цели издавания помянутого журнала»²⁶. По-видимому,

П.А. Рахманов болезненно перенес такую оценку своего труда. Надо полагать, что к концу года у него окончательно оформилась идея издавать собственный журнал, в котором цензором статей будет он сам. 7 января 1810 г. Рахманов был уволен за болезнью с повышением чина (майором) с мундиром. Начался новый этап его жизни, принесший ему основную посмертную славу.

По-видимому, Рахманов начал работу над получением официального разрешения властей на издание своего журнала и подготовку материалов для первых номеров сразу после выхода в отставку. К марта 1810 г. она была в целом завершена, и Петр Александрович обратился к бывшим коллегам с коммерческим предложением, печатать свой журнал в типографии Артиллерийского комитета «на выгодных условиях»²⁷. В апреле согласие было получено, и в конце мая первая книжка «Военного журнала» увидела свет²⁸.

В отечественной историографии нет точной периодизации выхода журнала. На основании газетных объявлений о публикации книжек журнала, а также детального анализа текста статей и объявлений на страницах самого издания можно значительно уточнить расписание выхода его номеров (книжек). Временные рамки выхода книжек «Военного журнала» укладываются в период: май 1810 г. – май 1813 г. За это время было опубликовано 24 книжки. Начиная с сентября 1811 г. (с 13-й книжки), журнал издавался за казенный счет, при этом Рахманов оставался его редактором-составителем, но делил полномочия с другим добровольцем – штабс-капитаном гвардейской артиллерии А.А. Вельяминовым, ставшим впоследствии генерал-лейтенантом, командующим войсками Кавказской и Черноморской береговых линий. Опираясь на анализ текстов и оформление статей, опубликованных в «Военном журнале», мы можем с уверенностью сказать, что все неподписанные публикации являются редакторскими. Для первых 12 книжек авторство Рахманова несомненно, но и в последующих номерах, по-видимому, его перу принадлежит большая часть неподписанных статей.

Журнал очень быстро снискал популярность, при огромном для того времени тираже в 1 200 экземпляров он полностью расходился и даже был в дефиците. Русский военный историк середины XIX в. В. Ф. Ратч так объяснял его успех: «Журнал был весь проникнут требованиями современной военной жизни; в нем была и полемика, способствующая к вернейшему обсуждению дела, и страницы юмористические с тонкою насмешкою»²⁹. Помимо воздействия печатным словом, Рахманов и Вельяминов не переставали пропагандировать военные знания лично, в офицерских кружках и обществах. Гвардейский офицер М.М. Муромцев (1790–1879) так делится своими впечатлениями, ошибочно относя их не к 1811 г., а к 1809 г.: «Круг наш прибавился А.А. Вельяминовым и П.А. Рахмановым, людьми замечательными. Они издавали “Военный журнал”. Этому обществу я много обязан тем малым образованием, какое приобрел. Тактика вошла уже в моду»³⁰.

П.А. Рахманов ревниво относился к своему детищу и не без самодовольства отмечал его превосходство над соперником – продолжавшим выходить до апреля 1812 г., но не пользовавшимся большим спросом «Артиллерийским журналом». В одной из своих рецензий на опубликованные в «Военном журнале» статьи внешних авторов, которые Рахманов писал под псевдонимом майора, затем подполковника Простова, он, в частности, заметил: «Нет, милостивые государи, не набирайте более к себе товарищей; издавайте журнал двое! уж мы с вами знакомство

свели и знаем, чего ждать; если же вас будет много, то с вашим журналом будет то же, что и с некоторым другим, который столь высок, столь премудр, что и читателей по себе едва находит»³¹. Уже в третьей книжке своего журнала он, в доработанном варианте, опубликовал свой «Опыт об усовершенствовании артиллерии»³², не допущенный в свое время к публикации в «Артиллерийском журнале».

Уже в октябре 1810 г., пробыв в отставке всего 9 месяцев и успев выпустить всего четыре книжки «Военного журнала», Рахманов вновь поступил на военную службу. Его приняли капитаном в лейб-гвардии Преображенский полк, с повелением состоять при военном министре М.Б. Барклае де Толли. Приближение Барклаем Рахманова не случайно. С первых же номеров «Военного журнала» в нем печатался молодой штабной офицер, один из любимцев Барклая П.А. Чуйкович, с которым Рахманов, видимо, познакомился во время предыдущей службы.

Доверие к издателям «Военного журнала» со стороны Барклая подчеркивает тот факт, что оба они были привлечены к испытанию военных агентов — сотрудников стратегической разведки при военном министре, одним из руководителей которой был все тот же Чуйкович³³. Готовившийся к поездке в Мюнхен поручик П.Х. Граббе (впоследствии граф, генерал от кавалерии, соратник А.А. Вельяминова по Кавказской войне) оставил следующие воспоминания о своем знакомстве с Рахмановым: «Экзаменаторы мои были оба люди замечательные и доказали это впоследствии; оба с основательными сведениями, тогда довольно редкими, оба математики, литераторы, а Рахманов (на беду приятелей) имел еще несчастную страсть к музыке, которой гармонию искал особенно в математических вычислениях. Трудно себе вообразить какофонию, какою он нас угощал за своим фортепиано. Добрый, честный, циник в одежде, иногда в выражениях. Никто из тех, кто его знал, его не забудет. Я как теперь его вижу и жалею, что в числе портретов, теперь в моем сельском кабинете меня окружающих, недостает его портрета»³⁴.

Помимо издания «Военного журнала», Петр Александрович в период до Отечественной войны 1812 года продолжал заниматься научной деятельностью, публиковал работы по математике, стал членом ряда Российских научных обществ³⁵. В начале 1812 г. он преподавал математику в Петербургском училище колонновожатых. Известный мемуарист, военный и государственный деятель генерал Н.Н. Муравьев-Карский (1794—1866), бывший в 1812 г. прапорщиком свиты Его Императорского Величества по квартирмейстерской части, преподавателем и дежурным надзирателем в этом училище, имел с ним конфликт, и так описал обидчика в своих записках: «Кто не знал Преображенского полка капитана Рахманова, издателя “Военного журнала” и убитого под Лейпцигом уже в чине полковника? Он был умен, остер в речах и обладал большими сведениями, особенно в математике, но вместе с тем имел многие странности. Ему не нравилась фронтовая служба, а, кажется, хотелось сделаться начальником нового училища... Рахманов приходил учить без определенного времени, а лишь, когда ему вздумается, отчего классы и часы перемешались, завелись шалости... Рахманову поставили особую черную доску в библиотеке, где он весьма лениво занимался со своими учениками»³⁶.

Военная карьера Петра Александровича на последнем этапе жизни на первый взгляд была проста. 14 октября 1810 г. отставной свиты Его Императорского Величества по квартирмейстерской части майор Рахманов был принят капитаном

в лейб-гвардии Преображенский полк и был определен состоять при военном министре М.Б. Барклае де Толли. 17 апреля 1812 г. он был произведен в полковники того же полка с оставлением в прежней должности. В этом чине был убит 6 октября 1813 г. в предместьях Лейпцига в ходе «Битвы народов». Однако путаница в документообороте лейб-гвардии Преображенского полка, вызванная тем, что в нем служило еще несколько Рахмановых, а Петр Александрович в полк на лицо так и не явился и сведений о себе не представил, породила в отечественной историографии фантом, своеобразного «подпоручика Киже», который «прожил» собственную жизнь, «присвоив» себе заслуги и награды Петра Александровича, и «погиб» на несколько месяцев позже нашего героя.

Согласно приложению к «Истории лейб-гвардии Преображенского полка», списку генералам, штаб- и обер-офицерам, служившим и числившимся в полку за 200 лет его существования, 14 октября 1810 г. из отставных, с назначением к военному министру был принят некий Александр Иванович Рахманов. Этот А.И. Рахманов 1 декабря 1814 г. был исключен из списков полка убитым в сражении. П.А. Рахманова в этом списке нет вообще³⁷. В книге А.А. Бобринского «Дворянские роды, внесенные в Общий гербовник Всероссийской империи» присутствует некий безымянный Рахманов, убитый под Лейпцигом 4 октября 1813 г., и офицер лейб-гвардии Преображенского полка Александр Иванович Рахманов, убитый в неизвестном сражении 1814 г.³⁸ В библиографическом справочнике В.М. Шабанова «Военный орден Святого Великомученика и Победоносца Георгия. Именные списки 1769–1920», со ссылкой на список Н.И. Григоровича–В.С. Степанова, есть сведения о награждении 20 мая 1813 г. за отличие орденом Св. Георгия 4-го класса все того же Александра Ивановича Рахманова³⁹.

Источником путаницы являются, по-видимому, «Месяцесловы с росписью чиновных особ» за 1812–1814 гг., в разделах которых, где даются полученные от гвардейских полков списки офицеров, Петр Александрович Рахманов в 1812 г. спутан с реально существовавшим, но уже вышедшим в отставку офицером полка – Александром Михайловичем Рахмановым, а в 1813–1814 гг. ошибочно назван Александром Ивановичем. При этом в тех же самых «Месяцесловах» за 1811 и 1812 гг. в разделах, где приведены списки по Военному министерству, имя и отчество Рахманова указаны верно⁴⁰. Разобраться в этом хитросплетении стало возможно после привлечения массива данных из «Высочайших приказов о чинах военных» за 1810–1814 гг. и использования сведений о П.А. Рахманове, приведенных на страницах «Военного журнала». В итоге удалось выяснить, что в 1810–1814 гг. в лейб-гвардии Преображенском полку служило всего три Рахманова: братья Александр и Павел Михайловичи и наш Петр Александрович. При этом первые двое вышли в отставку капитанами еще в 1811 г., так что в кампаниях 1812–1813 гг. участвовал только один офицер-преображенец с фамилией Рахманов – наш Петр Александрович.

Война 1812 года началась для П.А. Рахманова не совсем удачно. 23 июня у села Кочергишки в одном из первых арьергардных боестолкновений с противником он был ранен в руку. Правда, в награду за храбрость и пролитую кровь он получил первую в своей жизни награду – орден Св. Владимира 4-й степени с бантом⁴¹. Знакомый Рахманова и один из авторов переводов, публиковавшихся в «Военном журнале», офицер гвардейской артиллерии, известный впоследствии

государственный деятель и мемуарист И.С. Жиркевич оставил следующие сведения об этом: «Рахманов был весьма боек на язык. Государь посетил его и Фигнера. С государем был генерал-адъютант граф Ожаровский. Тот, шутя над раной Рахманова, у которого картечью оторвало два пальца на правой руке, поострился, сказав государю: «Rakhmanoff est puni, разой il a pêché» (Рахманов в том наказан, чем грешил).

— Берегитесь, граф, — возразил Рахманов по-русски, — этак не придется Вам головы снести в эту кампанию!

Не помню, кто мне рассказывал это, Вельяминов или князь Горчаков, которые тут были у Рахманова, когда государь неожиданно посетил его и, несмотря на присутствие императора, который сам невольно улыбнулся, все находившиеся тут засмеялись; один граф Ожаровский, как заметно было по выражению его лица, не сообразив тотчас всю колкость ответа Рахманова, стоял с серьезным выражением лица⁴².

К сожалению, историю дальнейшей службы Петра Александровича в кампанию 1812 г. пока выяснить не удалось. Ясно только, что он имел возможность продолжать издавать свой журнал, реагируя в нем на грозные события, происходившие в то время в России⁴³. При этом в печатавшихся в «Санкт-Петербургских ведомостях» объявлениях среди персон, въехавших в Петербург в период с июля 1812 г. по март 1813 г., его имя отсутствует. Гораздо больше сведений удалось собрать об участии Рахманова в роковой для него кампании следующего года.

Самое раннее упоминание о возвращении нашего героя в строй, которое удалось найти, относится к 5 марта 1813 г., когда командующий 3-й Западной армией М.Б. Барклай де Толли отправил Петра Александровича в распоряжение графа А.Ф. Ланжерона с поручением организовать выгрузку с речных судов и размещение прусского артиллерийского парка, прибывающего для осады крепости Торн⁴⁴. В апреле крепость, наконец, капитулировала, и Рахманов оказался в числе награжденных, став кавалером ордена Св. Георгия 4-го класса⁴⁵. Надо полагать, что это та самая награда, которую «присвоил» себе мифический Александр Иванович Рахманов.

В собрании ОПИ ГИМ, все в той же коллекции Щукина хранится еще один документ, имеющий самое непосредственное отношение к нашему герою. Это автограф Барклая, рекомендательное письмо, с которым Рахманов 16 июля был отправлен из Рейхенбаха в распоряжение генерал-лейтенанта Ф.В. Остен-Сакена. В этом написанном на немецком языке письме Михаил Богданович рекомендует полковника Рахманова как человека достойного доверия и имеющего все необходимые качества для руководства партизанским отрядом⁴⁶. Командующий корпусом в Силезской армии генерал Остен-Сакен прислушался к рекомендации Барклая и назначил Рахманова командиром партии, состав которой выяснить не удалось. В конце августа партии полковников Мадатова, Рахманова, Фигнера, прусских майоров Фалькенгаузена и Больмистера обеспечивали прикрытие и разведку в армии генерала Г.Л. Блюхера⁴⁷.

По-видимому, в сентябре произошло новое назначение Рахманова, он стал командующим «резервой пехоты» корпуса Остен-Сакена, составленной из Камчатского и Охотского пехотных полков 16-й пехотной дивизии, к которым по мере надобности могли придаваться полки из других подразделений. В этой

должности полковник Рахманов и принял участие в последней для него битве. Армия Блюхера наступала на Лейпциг с севера. 5 октября на острие удара был выдвинут русский корпус Сакена, который бросил в бой бригаду Рахманова, усиленную 8-м егерским полком. Русским после упорного боя удалось вытеснить противника из села Голис, примыкавшего к форштадту Лейпцига⁴⁸. На следующий день корпус Сакена силами 27-й дивизии генерал-лейтенанта Д.П. Неверовского и бригады Рахманова атаковал город. Эта атака была демонстрацией, призванной удержать неприятеля от переброски войск на другие участки обороны, где в то время происходили решительные действия. Но русская пехота и артиллерия, осуществлявшие «сильный приступ к г. Лейпцигу», дрались отчаянно и ценой больших потерь смогли на некоторое время захватить форштадт. Среди многих убитых и раненых в тот день российских воинских начальников был и Петр Александрович Рахманов.

Скупое свидетельство о его гибели оставил в своих воспоминаниях адъютант генерала Неверовского Д.В. Душенкевич: «Треск жаркой ружейной пальбы, разноязычные крики сражающихся, пушечные выстрелы в самой близи, сильнейшая суматоха под густым дымом тут зажженных домов и моста, защищаемого нашими штыками с бригадою 17-й дивизии (так у Душенкевича. – К.И.), командуемою истинно храбрым и достойным полковником Рахмановым – все вместе представляло редкий военный образчик... Генерал Ставицкий посыпал меня к корпусному командиру просить сикурса; ответ был: “Скажи своему генералу, я не могу сегодня расстроить весь мой корпус, это для 27-й дивизии, пусть держится”. Между тем в глазах наших, то есть посреди нас, полковник Рахманов поражен наповал пулею в грудь»⁴⁹.

Определить точное место гибели Петра Александровича невозможно. Вероятнее всего, это произошло в районе парка Розенталь и моста через реку Эльстер около усадьбы Пфаффендорф. Сейчас это северная часть центра современного Лейпцига, зеленая зона, где расположены городской парк и зоопарк, а на месте усадьбы Пфаффендорф находится одна из достопримечательностей города – здание Конгрессхалле. Также неизвестно место захоронения. Возможно, Рахманов был похоронен на одном из кладбищ, располагавшихся рядом с французским госпиталем в Пфаффендорфе или рядом со старинным госпиталем Св. Яакова в Розентале. Однако значительные изменения в ландшафте и застройке полностью стерли следы этих некрополей.

Таким образом, жизнь Петра Александровича Рахманова, несмотря на то, что оборвалась слишком рано, все же имела четко выраженный вектор. Это был профессиональный военный, отдавший службе большую часть своей жизни и сложивший голову на алтарь Отечества. Ранняя смерть не позволила ему полностью реализовать заложенный в нем широчайший творческий потенциал. Но даже за отведенное время он смог проявить себя на многих поприщах, ведь у этого человека было много талантов. К сожалению, прижизненная известность не нашла продолжения в посмертной памяти. Нам приходится по крупицам собирать сведения о нем. Он оказался полузабыт и недооценен. Еще предстоит уточнить целый ряд важных элементов его биографии. И если его научное наследие, как представляется, неплохо рассмотрено историками, то его творчество на нивах военной журналистики и военного строительства еще ждут своих исследователей.

Автор выражает благодарность коллегам, оказавшим помощь в сборе материалов для этой статьи: В.В. Аникину, А.А. Елисееву, Ю.Е. Короткой, Д.А. Сдвижкову, И.С. Тихонову, Г. Яношке (G. Janoschke).

Примечания

- ¹ Бобынин В.В. Рахманов Петр Александрович // Русский биографический словарь. Т. 15. М., 1910. С. 512–517.
- ² См., например: Юшкевич А.П. Деятельность П.А. Рахманова / Академик С.Е. Гурьев и его роль в развитии русской науки // Математика в ее истории. М., 1996. С. 313–332.
- ³ История математики. Т. 3. Математика XVIII столетия. М., 1972. С. 51.
- ⁴ Юшкевич А.П. История математики в России до 1917 года. М., 1968. С. 211; Он же. Деятельность П. А. Рахманова... С. 313.
- ⁵ Гузевич Д.Ю., Гузевич И.Д. Первый русский ученик Ecole Politechnique (Петр Рахманов) // Историко-математические исследования. Серия 2. Вып. 8 (43). М., 2003. С. 186–208.
- ⁶ Там же. С. 189.
- ⁷ Там же. С. 189.
- ⁸ Там же. С. 190.
- ⁹ ОПИ ГИМ. Ф. 155. Ед. хр. 7. (Щ. 277). Л. 31–31 об.
- ¹⁰ Глинка С.Н. Записки о 1812 году Сергея Глинки, первого ратника Московского ополчения. СПб., 1836. С. 93.
- ¹¹ С учетом борьбы императора Павла I за дисциплину, следует полагать, что молодой Рахманов должен был находиться на лице в строю не позднее 1797 г. В домовом отпуске за весь период службы он был только один раз — с сентября 1802 г. на три месяца.
- ¹² Выделение инженерного ведомства из артиллерийского произошло 23 октября 1802 г., т.е. как раз во время службы Рахманова в инженерной части — пионерном полку.
- ¹³ Рахманов П.А. Новая теория содержания и пропорции геометрической соизмеримых и несоизмеримых количеств, и в последнем случае основанная на способе пределов, предложенная Петром Рахмановым. М., 1803.
- ¹⁴ Бобынин В.В. Указ. соч. С. 514.
- ¹⁵ Жихарев С.П. Записки современника. М.; Л. 1955. С. 301.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ ОПИ ГИМ. Ф. 155. Ед. хр. 7. (Щ. 277). Л. 31.
- ¹⁸ См. подробнее: Игошин К.Г. Как ссорились Иван Григорьевич и Андрей Иванович. (К вопросу о личных отношениях в коллективе Временного артиллерийского комитета для рассмотрения гарнизонной артиллерии) // Вестник Башкирского университета. 2013. Т. 18. № 1. С. 245–249.
- ¹⁹ См. подробнее: Игошин К.Г. «Немедленно ввести оной в употребление». (Об обстоятельствах приема на вооружение прицела Кабанова) // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Труды III Международной научно-практической конференции 16–18 мая 2012 г. Ч. 1. СПб., 2012. С. 439–449.
- ²⁰ Гузевич Д.Ю., Гузевич И.Д. Указ. соч. С. 191, 193; Игнатушина И.В. Становление дифференциальной геометрии как учебного предмета в России XVIII — первой половины XIX в.: ученики и последователи Леонарда Эйлера // Ярославский педагогический вестник. 2011. Т. 3 (Естественные науки). № 1. С. 42–44.
- ²¹ Игошин К.Г. Как ссорились Иван Григорьевич и Андрей Иванович... С. 247–248.
- ²² Бобынин В.В. Указ. соч. С. 515.
- ²³ [Рахманов П.А.] Лекции г-на Рахманова о дифференциальном исчислении, изданные Николаем Тенигиным. СПб., 1810. С. I.
- ²⁴ Рахманов П.А. Доказательство Тайловской теоремы и распространение оной на случай многих переменных количеств // Артиллерийский журнал. 1808. № 3. С. 38–62; Он же. Доказательство некоторой физической истины и ее применение к артиллерии // Артиллерийский журнал. 1808. № 4. С. 34–37; Он же. О конной артиллерией // Артиллерийский журнал. 1809. № 2. С. 106–114.
- ²⁵ Научный архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (далее — НАВИМАИВиВС). Ф. 4. Оп. 40/1. Д. 28. Л. 14–19.

- ²⁶ Там же. Л. 19 об.
- ²⁷ Там же. Ф. 3. Оп. ШГФ. Д. 5616. Л. 194.
- ²⁸ Санкт-Петербургские ведомости. 1810. № 43. С. 626.
- ²⁹ Ратч В.Ф. Публичные лекции, читанные генерал-майором Ратчем гг. офицерам гвардейской артиллерии в 1861 году // Артиллерийский журнал. 1861. № 10. С. 798.
- ³⁰ Муромцев М.М. Воспоминания Матвея Матвеевича Муромцева // Русский архив. 1890. Т. 71. Кн. 1. Вып. 1. С. 71.
- ³¹ [Рахманов П.А.] Письмо к издателям от подполковника Простова // Военный журнал. [1812]. № 18. С. 38.
- ³² [Рахманов П.А.] Опыт об усовершенствовании артиллерии // Военный журнал. 1810. № 3. С. 13—32.
- ³³ Безотосный В.М. Разведка и планы сторон в 1812 году. М., 2005. С. 51, 69.
- ³⁴ Граббе П.Х. Из памятных записок // Русский архив. 1873. Т. 21. Кн. 1. Вып. 5. С. 842—843.
- ³⁵ Бобынин В.В. Указ. соч. С. 514.
- ³⁶ Муравьев Н.Н. Записки Николая Николаевича Муравьева // Русский архив. 1885. Т. 58. Кн. 3. Вып. 9. С. 17—18.
- ³⁷ Чичерин А.К., Долгов С.Н., Афанасьев А.Н. История лейб-гвардии Преображенского полка. Т. 4. СПб., 1883. С. 181—183.
- ³⁸ Бобринский А.А. Дворянские роды, внесенные в Общий гербовник Всероссийской империи. Ч. 2. СПб., 1890. С. 29.
- ³⁹ Военный орден Святого Великомученика и Победоносца Георгия: именные списки 1769—1920: библиографический справочник / отв. сост. В.М. Шабанов. М., 2004. С. 225.
- ⁴⁰ Месяцеслов с росписью чиновных особ или общий штат Российской империи, на лето от Рождества Христова 1810. Ч. 1. СПб., 1810. С. 29—33; Месяцеслов... на... 1811. Ч. 1. СПб., 1811. С. 31—36, 169—171; Месяцеслов... на... 1812. Ч. 1. СПб., 1812. С. 34—38, 176—178; Месяцеслов... на... 1813. Ч. 1. СПб., 1813. С. 35—39; Месяцеслов... на... 1814. Ч. 1. СПб., 1814. С. 36—41.
- ⁴¹ Поликарпов Н.П. Боевой календарь-ежедневник Отечественной войны 1812 года. Ч. 1. Перечень боевых столкновений русских армий с 4 июня по 31 августа 1812 года / Под ред. В.П. Никольского // Труды Московского отдела Императорского Русского Военно-исторического общества. Т. 4. Материалы по Отечественной войне. М., 1913. С. 83—84.
- ⁴² Жиркевич И.С. Записки Ивана Степановича Жиркевича. 1889—1848 // Русская старина. 1874. Т. 10. № 8. С. 641—642.
- ⁴³ См., например: [Рахманов П.А.] Письмо к издателям от подполковника Простова // Военный журнал. [1812]. № 22. С. 70—72.
- ⁴⁴ Материалы Военно-Ученого Архива. Война 1813 года. Отд. 1. Переписка русских и союзных правительственные лиц и учреждений. Т. 1. Исходящая переписка главнокомандующего западной армией генерала Барклая де Толли. С 1 января по 31 декабря 1813 года. СПб., 1914. С. 55—56.
- ⁴⁵ Там же. С. 82.
- ⁴⁶ ОПИ ГИМ. Ф. 160. Ед. хр. 245. (Ш. 256/96). Л. 11—11 а.
- ⁴⁷ Поход русской армии против Наполеона в 1813 г. и освобождение Германии. Сб. документов. М., 1964. С. 272.
- ⁴⁸ Там же. С. 348.
- ⁴⁹ Душенкевич Д.В. Из моих воспоминаний от 1812-го года до [1815-го года]. 1838 г. // 1812 год в воспоминаниях современников. М., 1995. С. 125.